

ВРЕМЯ СВ. ЦАРЯ БОРИСА-МИХАИЛА КРЕСТИТЕЛЯ (852–889; † 907): МЕЖДУ РЕАЛЬНЫМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ ФАКТАМИ ДЕВЯТОГО СТОЛЕТИЯ И «ФАКТАМИ» ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПАМЯТИ

В своей статье автор рассматривает не дипломатические успехи или поражения болгарского архонта (позднее князя) Бориса-Михаила Крестителя (852–889; † 2.05.907), а обстоятельства их случайного (или целенаправленного?) упущения последующими поколениями книжников в средневековой Болгарии. Последние явно отбирали реальные исторические факты второй половины IX века, напрямую связанные с действиями Бориса-Михаила, чтобы создать приемлемый образ этого владетеля прежде всего согласно требованиям Церкви. Целью работы является не столько понимание дипломатических аспектов действий этого болгарского правителя и подробное описание сопутствовавших им геополитических реалий Европы тех лет, сколько попытка реконструировать то, как дипломатические практики времен правления князя Бориса Михаила отразились в исторической памяти средневековой Болгарии. Такой подход к теме исследования показывает нам две вещи: во-первых, что именно из дипломатических успехов данного князя сохраняет «официальная» (или «государственная») память, и, во-вторых, что сохраняет «низовая» (неофициальная) память. В созданном впоследствии официальном образе Бориса-Михаила, в основе которого была его роль в истории Болгарской церкви, отсутствуют важные детали его политической деятельности, включая его многочисленные успехи (и провалы) в дипломатической сфере, а в замен придается большое значение его роли в христианизации болгар. Этот контроль со стороны Церкви особенно ясно различим в эпоху Второго болгарского царства (1186–1396 гг.).

Ключевые слова: средневековая Болгария, князь Борис-Михаил, память, история.

Факты *истории* и/или факты *памяти*? Модная на сегодняшний день проблема: что ценнее для изучения — *история* (историческое прошлое и историческое *время*) или *память* об исторических событиях — давно уже не является чем-то новым для научного сообщества. Это напряжение между «классическими» историками

и (преимущественно) социологически ориентированными их коллегами, находящимися под влиянием новаторских взглядов и поисков некоторых социологов, было инициировано в значительной степени исследованиями, к примеру, Пьера Нора во Франции еще в 1970-х и 1980-х годах (*Les lieux de mémoire* 1984–1992), а также исследованиями Райнхарта Козеллека и Яна и Алейды Ассман в Германии, касающихся разнообразных аспектов памяти в разных человеческих группах (*Mnemosyne* 1991; *Kultur als Lebenswelt und Monument* 1991; Ассман 2001; Козелек 2002; Около Райнхарт Козелек 2003). Огромная часть этого вида исследований была посвящена Новому времени, нации, и, в частности, Холокосту, хотя Я. Ассман сделал немало и в области истории и культурной памяти в Древнем Египте и Древнем Израиле.

По моему мнению, подобные радикальные оппозиции вряд ли необходимы. Вместо этого должно существовать ясное разграничение между первым и вторым и, соответственно, внимательный подход исследователей при отборе применяемых ими методологий. Еще Морис Хальбвак (*Halbwachs* 1950), а позднее и вышеупомянутые Нора и Ассман обратили внимание на наличие и у того, что известно под именем *история*, и у того что мы называем *памятью* собственных специфических целей и совершенно разных стратегий сохранения информации, ее использования и передачи будущим поколениям. Несомненно, за этими понятиями также скрываются различные идеологические «применения», которые особенно хорошо видны в ситуациях с длительными историческими периодами, в которых есть и пропуски, и забвение фактов.

Что же касается европейского Средневековья, то здесь нельзя пренебрегать особой ролью Церкви в конструировании точно определенным способом тех событий прошлого, которые должны быть сохранены и переданы будущим (в данном случае болгарским) поколениям. Этот контроль со стороны Церкви особенно ясно различим в эпоху Второго болгарского царства (1186–1396)¹. А при отсутствии конкретных носителей, ушедших из жизни за много лет до событий, подлежащих сохранению в памяти, по словам Марии Степановой всегда существует реальная опасность, что эти события будут отложены «в памяти по обиходным моделям, в русле типического» (Степанова 2017; Степанова 2019. С. 44).

---

¹ См. некоторые интересные наблюдения в этом аспекте: Кулхави 2018. С. 312–318; Божилев 2017б. С. 4–6.

Эти краткие вводные замечания нужны для того, чтобы пояснить еще в самом начале, что предполагает название статьи. Она не будет описывать — в очередной раз и в крайне просторном виде — дипломатические успехи и неудачи во время управления болгарского архонта (позднее князя) Бориса-Михаила Крестителя (852–889 гг.; † 2.05.907). Напротив, ее предметом станет то, как именно эти успехи или неудачи были сохранены или упущены (случайно или нарочно?) последующими поколениями книжников в средневековой Болгарии. Как будет видно из экспозиции, последние явно отбирали реальные исторические факты второй половины IX в., напрямую связанные с действиями Бориса-Михаила, чтобы создать приемлемый образ этого владетеля, прежде всего, согласно требованиям Церкви.

Таким образом, целью настоящей работы является не столько понимание дипломатических аспектов действий этого болгарского правителя и подробное описание геополитических реалий Европы тех лет, в контексте которых они развивались², а, скорее, связь последних с одним специфическим аспектом. Это избирательное использование памяти, которая перерабатывает особым образом (с разными целями, и из разных идеологических убеждений) прошлое, придавая особое значение определенным фактам из него и изменяя другие, а иногда нарочно выталкивая их на задний план и даже полностью «забывая». Такая точка зрения показала бы нам, по крайней мере, две вещи: во-первых, что именно из дипломатических успехов данного князя сохраняет «официальная» (или «государственная») память, и, во-вторых, что сохраняет «низовая» (неофициальная) память. Понятно, что для полного осуществления подобной задачи потребуется много места для просторного анализа, что невозможно выполнить в рамках одной статьи. Последнее подразумевает предварительный отбор болгарских источников (по временному признаку, а также по признаку *жанра*), как и синтезированное представление некоторых общих особенностей, тенденций, и закономерностей в развитии Европы во второй половине IX в., что позволило бы позиционировать болгарскую державу и ее владетеля в ту эпоху.

Из всех имеющихся на сегодняшний день свидетельств из источников, независимо от того, являются ли они продуктом авторов

---

² Об этом написано немало. См., например: Дьопман 2018. С. 24 сл., *passim*; Николов 2006. С. 41–83; Баджаков 2016. С. 120–152, и спец. 128–129, 136; Христов 2017. С. 162–182, и спец. 181.

из средневековой Болгарии или из других стран и, соответственно, письменных традиций, очевидно, что князь Борис-Михаил представлен в разных образах:

1) в образе воина христианства (см. подавление бунта недовольных крещением болгарских боилов. Подробности см.: Гюзелев 1969; Божилов 2017б. С. 24–29);

2) в образе дипломата и политика (см. его переговоры с восточными франками, а также с ромеями, сербами и хорватами, и особенно с папством. См.: Constantine Porphyrogenitus 1962. P. 60–64; Гръцки извори 1964. С. 208–210; Гюзелев 1969; Гюзелев 2009. С. 117–134, 291–323; Дьопман 2018. С. 76–85; Ангелов 1988. С. 106, 137–138, 162–163; Simeonova 1998; Ziemann 2007. P. 356–389; Божилов 2017б. С. 11–14, *passim*);

3) в образе визионера (см. его прием учеников свв. Кирилла и Мефодия в Дунайской Болгарии после 886 г., и роль Болгарии в сохранении дела святых братьев. См.: Добрев 1985. С. 129–160; Каймакамова 1986. С. 18–23; Чешмеджиев 2001. С. 12–36; Флоря, Турилов, Иванов 2004);

4) в образе «магического короля» (по выражению Веселины Вачковой) (Вачкова 2015. С. 289 и сл.);

5) в образе «последнего царя» перед Концом времен (см. тексты исторической апокалиптики в Болгарии, относящиеся к периоду после второй половины XI в. и до XIII в.)³, а весьма вероятно и,

6) в образе святого, канонизированного вскоре после его смерти второго мая 907 г.⁴

Нельзя отрицать, что политическое видение князя Бориса-Михаила было чрезвычайно масштабным, поскольку оно объединяет в себе как геополитический, так и культурно-цивилизационный аспект (Баджаков 2016. С. 128). Последний особенно усилился с середины 880-х гг. благодаря предоставлению убежища в Болгарии Клименту Охридскому, Науму и Ангеларию, чья деятельность,

---

³ Из немалого количества исследований на эту тему, см., например: Тъпкова-Займова, Милтенова 1996; Польшанский 2000. С. 121–122, 124, 165; Милтенова 2006. С. 847–868; Каймакамова 2011. С. 157–216, 234–285; Билярски 2011; Biliarsky 2013; Степанов 2016. С. 201–304, и особенно о контаминациях Борис-Михаил / «Михаил каган» / св. арх. Михаил — С. 251–276; Stepanov 2008. P. 363–377; Шиваров 2002. С. 291–304; Шиваров 2004. С. 564–576; Шиваров 2013. С. 121–136.

⁴ Несмотря на наличие значительного количества неясных вопросов в этом аспекте, а, значит, и споров в историографии. См.: Драгова 1983. С. 93–100; Георгиева 1991. С. 178–188; Чешмеджиев 1996. С. 52–61; Чешмеджиев 1999. С. 158–175; Христов 2008. С. 28–51.

наряду с деятельностью их учеников и последователей, способствовала постепенному формированию исторического феномена, названного Р. Пиккио с легкой руки ‘*Slavia orthodoxa*’, а сэр Дмитрий Оболенский «выковал» несколько десятилетий назад другой термин, «*Byzantine commonwealth*»⁵. Однако, когда мы читаем сохранившиеся сквозь века свидетельства о жизни и деяниях этого же князя-крестителя, сразу же бросается в глаза разница в том, как он представлен в реальном, основанном на фактах, историческом плане своими современниками, и как он представлен *post mortem*, т.е. после обработки памяти для будущих поколений⁶.

Итак, рассмотрим сначала данные ромейских, западноевропейских и болгарских источников, начиная со второй половины IX в. и далее. На основе этих разнообразных свидетельств разного происхождения и характера можно кратко изложить главные параметры тех реалий в Европе, в которые должна была вписываться Болгария в середине IX в. Поскольку этому вопросу посвящено достаточное количество работ (Дьопман 2018. С. 70–91; Гюзелев, 1969; Simeonova 1998), здесь я лишь приведу некоторые основные положения. Часть реалий середины и второй половины IX века делят Европу на две части, *Восток* и *Запад*. Но география здесь имеет лишь вспомогательное значение, поскольку в своей основе первое деление Европы является политическим, а по своей сути — имперским, другое же — религиозным. На точке пересечения обоих в IX в. оказываются именно дунайские болгары.

Во-первых, это географическое деление *Восток* — *Запад* может быть истолковано политически, сквозь призму римской имперской парадигмы/доктрины (*Pax Romana*) и ее дальнейшего развития в Византии, а отсюда и позиционирование Болгарии во времени с 681 г. и до конца IX в. (См. подробнее: Божилов 2017а. С. 61–67; Дьопман 2018. С. 12–23). После праздника Рождества Христова в 800 году, и впервые с конца V в., на европейской карте появляется вторая империя, претендующая на наследство некогда единой Римской империи. Это империя франков, во главе которых в то время стоял Карл Великий (768–814 гг.). Ромеи признали его императорский титул только в 812 г. и лишь для того, чтобы привлечь его на свою сторону в своей борьбе против дунайских болгар. Как дав-

⁵ О “*Slavia Orthodoxa*” см.: Пиккио 1993б. С. 35–136 и Пиккио 1993б. С. 385–436; о термине “*Byzantine commonwealth*” см.: Obolensky 1971.

⁶ О роли Церкви в этом, и, в частности, в «Синодике Болгарской церкви» 1211 г., см.: Божилов 2017б. С. 4–6.

но известно, Византия неслучайно пошла на эту уступку только после сокрушительного поражения и гибели василевса Никифора I Геника (802–811 гг.) на одном из горных перевалов в Болгарии в июле 811 г. В то же время ромеям было известно, что болгары, которыми тогда правил Крум (802/3–814 г.), к тому моменту уже подступали к франкским границам в Центральной Европе, после того как им удалось присоединить к своему государству остатки авар, которых в конце VIII в. покорили те же франки⁷. Так что еще в начале IX в. Болгария вклинилась между двумя христианскими империями, хотя с точки зрения раздела Римской империи Феодосием Великим (после 395 г.) она оставалась в основном к востоку от так называемой Феодосиевой границы. Однако в то же время, согласно точному наблюдению Ивана Божилова, хотя Болгария и находилась в пространстве, где доминантным центром был Константинополь (а не Рим, или Аахен и Ингельхайм, или позже Регенсбург и Кведлинбург), до 865 г. она была частью этого пространства лишь географически, но не цивилизационно (Божилев 2017а С. 275). Таково было, несомненно, и болгарское видение, по крайней мере, до времен Бориса-Михаила (852–889 гг.), который изменил направление развития и культурную модель Дунайской Болгарии, приняв христианство в середине 860-х гг. (Подробно см.: Бакалов 2011. С. 300–314 и спец. 308 сл.; Польшванн 2000. С. 30–56). С точки зрения ромеев, этот факт, сопоставленный с традициями Феодосиевой границы (а также с традициями некоторых реформ Льва III Исавра после 732 г. по отношению к Иллирику, о которых пойдет речь ниже), давал еще больше оснований для попыток византийцев привлечь на свою сторону болгар: они должны были следовать ромейской культурно-религиозной и политической модели, а не модели Западной Европы, которая уже начала формироваться вокруг Рима и франков.

И еще одно наблюдение немаловажного значения: до начала IX в. Дунайская Болгария, по своему типу развития, являлась «замкнутой» системой, находящейся в полной оппозиции к одному главному противнику — Византии (Божилев 1995. С. 46–49, 75; Степанов 1999. *passim*), тогда как после Крума роль дипломатии в болгарской политике явно возросла, потому что возросло и число противников и потенциальных союзников Болгарии.

---

⁷ Авара́м посвящено значительное количество литературы. См., напр.: Turr 1976. P. 111–121; Pohl 1988; Pohl 2003. P. 571–596; Szádeczky-Kardoss 1990. P. 206–228; The Other Europe in the Middle Ages 2008.

Это особенно заметно в правлении Бориса-Михаила, причем с самого его начала, т.е. к 850-м гг.! Правда, еще при *канасюбиги* Омуртаге (814–831 гг.) было осуществлено множество дипломатических миссий, причем в нетрадиционном направлении для Болгарии тех дней — к Западу, и, в частности, к франкам Людовика Благочестивого (814–840 гг.): первая миссия состоялась в 824 г., за ней последовали и другие вплоть до 827 г. Они закончились безуспешно, что вынудило болгар в 829 г. захватить оспариваемые с франками земли силой (Латински извори 1960. С. 36–39 (*Einhardus, Annales*); Латински извори 1960. С. 51–52 (*Vita Hludovici imperatoris*); Monumenta Germaniae historica — Series Scriptorum/ П. Р. 604 f. (*Vita Hludowici imperatoris*); Данчева-Василева 1999. С. 70–71; Stepanov 2001. Р. 15–16; Sophoulis 2012. Р. 295–297; Божилов 2017а. С. 316–320). Пик, однако, наступил при правлении Бориса-Михаила. В частности, это были его связи и переговоры с Людовиком Немецким, с папством, с сербами и хорватами, и особенно с ромеями. Таким образом, участвуя то напрямую, то косвенным путем в борьбе Франкской империей и Византии за господство в Юго-Восточной Европе еще в начальных десятилетиях IX в.⁸ Болгария, в ходе того же столетия, постепенно превратилась в одну из первостепенных сил в регионе. Так, она оказалась наравне с франками и ромеями, но в то же время и против них, участвуя в создании зон влияния и в обустройстве буферных владений особенно в ареалах, которые не находились вблизи от основного конфликта двух христианских империй (Христов 2017. С. 181). Следовательно, именно в середине IX в. впервые происходит вторжение болгар в большую «геополитическую игру» в центре Европы (Баджаков 2016. С. 120–152)⁹, разворачивающуюся на фоне первого действительно серьезного противостояния между Константинополем и Римской курией (Дьопман 2018. С. 86–91). В конечном счете после 860-х гг. Болгария превратилась в одну из четырех (наряду с Византией, Франкской империей и ее «продолжениями» после 843 г., с Хазарией, и исключая кордовских Омеядов) «Великих сил» Европейского континента тех времен (если принять современный взгляд на географическое пространство Ев-

⁸ Этим конфликтам между франками и византийцами посвящено значительное количество литературы. См., напр.: Budak 1997. Р. 15–22; Алимов 2008. С. 94–116; Imperial Spheres and the Adriatic 2018.

⁹ О геополитике Дунайской Болгарии после 802 г., в связи с ромеями, франками и др., см.: Матанов 2014. С. 126–133; Божилов 2017а. С. 275 сл.

ропы, т.е. от Атлантики до Урала). Если же брать за точку отсчета представления людей древней римско-эллинской цивилизации, воспринимавших реку Дон как конец/границу Европейского континента — для них к востоку от этой реки начиналась Азия, — то тогда Болгария в IX веке была бы даже в позиции одной из трех «Великих сил», следуя сразу за ромеями и франками.

Понятно, что географическое положение Болгарии и ее большое территориальное расширение с начала IX в. и далее (к северо-востоку до устья Дуная, но с реальным контролем фактически до р. Днестр и, соответственно, до Савы/Дуная и Тисы к северо-западу, к востоку до Черного моря, к юго-востоку — до самого Адрианополя, к юго-западу же до Фессалии и совр. Южной Албании) (Коледаров 1979) позволяет такую «игру», так как Дунайская Болгария оказалась на пересечении *Востока* и *Запада* (оцениваемые в том числе и сквозь призму религиозного противопоставления двух основных христианских центров). Однако если еще и учесть «борьбу за души» между христианством, исламом и иудаизмом¹⁰, выбор монотеистической религии в Дунайской Болгарии к середине IX в. выглядел еще более сложным.

В то же время, надо отметить, что Борис-Михаил был первым владельцем Дунайской Болгарии, который активно взаимодействовал с обоими сегментами *Запада*: с сегментом франков или названным мной «северным» сегментом, и, соответственно, с сегментом папства, т.е. «южным» сегментом Запада. Вместе с этим он, как и любой болгарский правитель, активно участвовал в политике «южного» сегмента *Востока*, т.е. Византии (Об этих сегментах см.: Stepanov 2018. P. 146–147). Единственно северный сегмент этого *Востока* оставался спокойным во времена правления Бориса и не нуждался в каком-либо более особом отношении, поскольку ни хазары, ни маджары/венгры, ни даже русы в то время не проявляли какой-либо серьезной активности по отношению к дунайским болгарам (Божилов 2017б С. 11). Таким образом, руки Бориса-Михаила были развязаны для давления в западном направлении и, в частности, на земли сербов и хорватов, что на самом деле было заложено еще в политике его предшественника, Персиана (836–852 гг.) (Гръцки извори 1964. С. 207, 209–210 (Constantine Porphyrogenitus DAI); Божилов 2017б. С. 11).

---

¹⁰ См. ответы 103 и 104 папы Николая I князю Борису-Михаилу: в Болгарии до крещения можно было отыскать книги, проповедующие ислам и иудаизм — см.: Petkov 2008. P. 30: Responsa Nicolai I. Papae. Cap. 103–104.

Это же деление на *Восток* и *Запад* в Европе можно рассматривать не только с имперской, т.е. политической точки зрения, но и сквозь призму христианской религии (ср. доктрину о *Pax Romana Christiana*, сдваивающую два наследства, имперское/римское и христианское). И оно, как и первое деление, должно быть по меньшей мере отмечено в самих общих чертах, давая, таким образом, хотя бы приблизительное представление о сложности болгарского выбора духовного покровительства в середине IX в.

Акт василевса Льва III Исавра (717–741 гг.) 732 г. имеет исключительное значение для дальнейшего развития Церкви в Европе. Из-за него большая часть Восточного Иллирика была отнята у папского диоцеза и передана диоцезу Константинопольской патриархии. В руках и под попечительством константинопольского духовного владыки оказались ряд провинций, находящихся под ромейской политической властью: Калабрия, Сицилия и Иллирия, а также остатки папского викариата Фессалоник. Это изменение является результатом как столкновений между Константинополем и Римом из-за иконоборческой политики Льва III, так и желания императоров в византийской столице контролировать гораздо более явно и напрямую, даже на уровне Церкви, процессы прочного привлечения в Империю славянского населения Иллирика (и в регионе Салоник, в частности), которое, в противном случае, могло бы создать серьезные проблемы в будущем для центральной византийской власти (Дьопман 2018. С. 44–46). Таким образом, уже после второй половины IX в. и после территориальных завоеваний дунайских болгар, среди болгарских земель оказались несколько территорий, которые до 720-х гг. и вплоть до того самого акта василевса Льва III фактически находились под духовной властью Римской курии. Вот почему представление о Болгарии как о части (Восточного) Иллирика ясно прослеживается в решениях Собора 869/70 г. в Константинополе: «... страна болгар, которая расположена в Иллирике, должна подчиняться Константинопольскому диоцезу» (*Liber pontificalis* 1886, § 632–640; касательно последнего, см. и: Николова 2001. С. 26, 51; Гюзелев 2009. С. 126; Дьопман 2018. С. 91). Этот факт позволил лавировать крещеным в 864–865 гг. болгарам, особенно на фоне разгоревшейся к середине и второй половине IX в. вражды между двумя центрами христианства в Европе — Римом и Константинополем. Напряжение между ними было спровоцировано не только появлением новых христианских народов в центре и в юго-восточной части континента, но

и особенностями характера и большого *ego* стоящих во главе двух основных церквей тех времен, папы Николая I (858–867 гг.) и константинопольского патриарха Фотия (858–867, 877–886 гг.). Эти новые реалии, а также личные амбиции обоих духовных правителей возбудили спор о юрисдикции и легитимных границах каждой из церквей на определенных территориях Европы и, соответственно, по отношению к их населению (Дьопман 2018. С. 86–91; Николова 2001. С. 18).

Участие болгар в этих спорах в 860-х гг. в конечном итоге привело к неожиданно высокому статусу одной поместной церкви, паства которой только недавно приняла христианскую веру. Таким образом, князь Борис-Михаил великолепным способом воспользовался напряженностью в Церкви, отмечая в течение многих лет, с 866 по 880 г., изменения в ситуации и расстановке сил в этом споре. Существенное значение имело то обстоятельство, что болгарский князь ясно понимал, что и Рим, и Константинополь исходили из одной и той же предпосылки, а именно, что Восточный Иллирик может рассматриваться сквозь разные призмы — имперскую и, соответственно, церковную, и что первая из них облагодетельствует в вышеупомянутом споре ромеев, а вторая — римских пап. Однако начиная с 866 г. значительная часть земель бывшего Восточного Иллирика в чисто политическом плане находились уже в рамках Болгарии, и фактически болгарский правитель (и его окружение) получали право и реальную возможность сделать выбор между двумя вариантами для урегулирования болгарского церковного вопроса (Николова 2001. С. 24–26, 31).

Также важно отметить, что во всей этой борьбе о получении наивысшего возможного статуса для Болгарской церкви лично участвовали два самых приближенных к правителю аристократа — кавхан и ичиргу боил. Им, а также и другим болгарским вельможам посылали письма со специальными посланиями и некоторые из пап после Николая I, в особенности папа Иоанн VIII (872–882 гг.). Некоторые из этих аристократов также участвовали в дипломатических миссиях в Риме для личного ведения переговоров с папами, а также и для доставки писем и даров римскому первосвященнику от имени болгарского правителя Бориса-Михаила (см. подробнее: Златарски 2007. С. 85 сл., 125, 131; Moravcsik 1933. P. 8–23; Николова 2001. С. 23, 49, 51–52; Гюзелев 2007. С. 143–146, 149–155; Гюзелев 2009. С. 130–131, 321; Божилов 2017б. С. 34–36).

На фоне этих тонких политических и религиозных деталей истории Европы в IX в. важно попытаться ответить на вопрос, что именно из образа Крестителя болгар Бориса-Михаила было особо выделено Церковью в Болгарии для сохранения памяти о нем среди будущих поколений в стране. Был ли это «исторический» рассказ о реальных фактах; или же рассказ идеологический; а может быть и тот, и другой (или их части)? И еще: почему в болгарских письменных памятниках после X в. нет точного перечисления (иногда даже упоминания) и подчеркивания реальных дипломатических побед (или поражений) князя Бориса-Михаила, а вместо этого делается акцент только на христианизации во время его правления?

Давайте сначала посмотрим, каковы некоторые из реальных дипломатических успехов князя Бориса-Михаила, заслуживающие, по крайней мере, упоминания в последующей историографии. Здесь они перечислены в общих чертах:

1) Болгаро-немецкий военно-политический союз, действующий с 853 г., впоследствии неоднократно переподтвержденный и в начале 860-х гг., направленный в основном против усилившейся в середине века Великой Моравии, расположенной в центре Европы, как раз между территориями восточных франков и болгар (*Monumenta Germaniae historica — Series Scriptorum* 1826. P. 367–368, 374–375, 379–380 (*Annales Fuldenses*); Латински извори 1960. С. 43–45);

2) Борис-Михаил сумел освободить своего сына Расате-Владимира, вместе с 12 «великими боилами», попавшими в сербский плен после неуспешной болгарской военной акции в западном направлении (Гръцки извори 1964. С. 209–210 (*Constantine Porphyrogenitus DAI*)). Иван Божилев указывает на две основные гипотезы о датировке этого болгарско-сербского конфликта: 852–860 гг., или 870–889 гг. (Божилев 2017б. С. 12–13). Если сам Борис-Михаил родился ок. 837–838 г. (Там же. С. 7 и сн. 12) и вступил на престол в 852 г., будучи еще несовершеннолетним, а его первородный сын Расате мог отправиться в военный поход только, скажем, с 15 лет, то тогда рождение последнего не могло произойти раньше второй половины 850-х гг. В таком случае, вышеупомянутое столкновение произошло, скорее всего, после 870 г. Это последнее уточнение важно по следующей причине: если предположить, что хронисты и авторы панегириков Борису-Михаилу преднамеренно пренебрегали теми годами его правления,

когда он еще был язычником (852–864 гг.), получается, что и некоторые из его успехов на поле дипломатии даже после крещения в 865 г. тоже не заслужили их внимания;

3) договор с Византией о крещении 863 г., известный как «*Глубокий мир*», по условиям которого болгары сохранили основные территории к югу от гор Стара Планина или Хемус (Яцимирский 1903. С. 112; Матанов 2014. С. 122). Тем не менее и этот факт никоим образом не зафиксирован последующими поколениями как дипломатический успех князя;

4) после 886 г. Борис-Михаил принял учеников свв. братьев Кирилла и Мефодия в Болгарии; таким образом, болгары получили новый священный литургический язык (!) и письменность, отдельную от греческой и латинской (!), что впоследствии создало возможность формирования *Slavia Orthodoxa* и «*Byzantine Commonwealth*», о чем шла речь выше;

5) после марта 870 г. и вновь после 880 г. была создана (независимая?) болгарская церковь во главе с архиепископом; по статусу в иерархии она следовала сразу после Церкви Кипра¹¹.

Но что из всего этого помнят его современники и особенно поколения, жившие после смерти князя-крестителя после его смерти в 907 г.? Оставалась ли память об его разнообразных успехах на дипломатическом поприще, или же Церковь и верховная светская власть создали некий клишированный, стилизованный и поэтому монолитный образ князя? В одном тексте, известном под названием «Чудо св. Георгия о болгарине» и появившегося, вероятнее всего, еще при жизни Бориса-Михаила, так как в нем говорится о войне болгар с мадьярами 894–896 гг., а князь ушел в монашество в 889 г., Креститель представлен неизвестным автором единственно в русле основателя христианской церкви в Болгарии. Описывается, как он ввел православную веру, воздвиг храмы и монастыри, разрушил языческие культовые места, открыл дорогу свету в битве с тьмой и, наконец, принял ангельский образ, т.е. стал монахом, и т.д. (Кодов 1969. С. 143–144; Petkov 2008. Р. 43–46, спец. 44). Здесь, как это видно, нет и следа упоминания об успехах князя Бориса в других областях и, в частности, в дипломатии; нет даже и намек на то, как он кровью и мечом ввел христианский культ и религиозные нормы среди болгар. Интересно и то, что даже в низовой

---

¹¹ Из многочисленных сочинений на эту тему см., например: Swoboda 1966. Р. 67–81; Дьопман 2018. С. 136–154, 198–219.

литературе, а именно в т. наз. «Болгарской апокрифической летописи», литературном памятнике, который по своей сущности является пророчеством от имени Исаии и который датируется Анисавой Милтеновой концом XI или самым началом XII в. (т.е. из эпохи византийского владычества над болгарами), Борис-Михаил вновь представлен, прежде всего, как праведный христианин: он благочестив, крестит Болгарию и возводит церкви, особенно в районе Овче поле и Брегалницы, едет в Добрич и там умирает; кроме того, правит болгарами только 16 лет (а не реальных 37), при этом не женившись (что неверно. — *Примеч. Ц. С.*) и не имея никаких грехов; поэтому и царствование его благословенно (Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996. С. 196, 200 и сн. 19; Biliarsky 2013. P. 16). Опять же нет никакой информации ни об отношениях с франками, сербами и хорватами, ни о превратностях крещения и длительной дипломатической игре с ромеями и с папством, ни о принятии учеников Кирилла и Мефодия, благодаря чему у Болгарии появился новый литургический язык и, соответственно, письменность.

А каковы представления о Крестителе в других болгарских текстах, принадлежащих тому же специфическому жанровому «полю» вышеупомянутых историко-апокалиптических сочинений XI–XIII вв., т.е. литературе, не являющейся продуктом официальных властей, а монашеских кругов? Там, кроме всего прочего, в большей степени речь идет о **мече** Бориса-Михаила, а также о таком связанном с князем *топосе* как «**Солнечный город**»¹², чем о каких-либо реальных дипломатических успехах этого правителя.

В связи с появлением меча в этом типе сочинений, недавно зародились две интересные гипотезы — одна принадлежит Веселине Вачковой (Вачкова 2015. С. 289–296), а другая Петру Ангелову (Ангелов 2019. С. 110). Они включают в себя и возможную интерпретацию одной существенной части «наследства» этого владельца и память о нем, а именно, особый акцент на его мече¹³. Этот священный для правителей атрибут присутствует в качестве важного элемента рассказа о правлении князя и его деяниях во время и сразу после бунта болгарских боилов в 865 г., прежде всего в западноевропейских свидетельствах этой эпохи. Здесь я упомяну

¹² Специально о «Солнечном городе» см.: Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996. С. 98, 128 и сн. 28, 135, 155, 273 и сн. 19.

¹³ В целом, о мече в качестве отличительного знака болгарских раннесредневековых владельцев и его связи со священным оружием народов евразийской степи и, в частности, с мечом, см.: Степанов 1999. С. 132–138.

лишь «Бертинские анналы» (*Monumenta Germaniae historica — Series Scriptores/I*. P. 465, 473–474 (*Annales Bertiniani*); Латински извори 1960. С. 287–288), а также главу 17 из «Ответов папы Николая I на вопросы болгарского князя Бориса-Михаила», где рассматривается этот вопрос; последний источник давно известен под названием «*Responsa Nicolai I. papae ad consulta Bulgarorum*» (Латински извори 1960. С. 65–125; Dujcev 1968. P. 403–428; Гюзелев 2009. С. 296).

Византийские источники, с другой стороны, скорее акцентируют внимание на помощи крестного знака для победы над бунтовщиками (См., напр.: Извори за средновековната история на България 1994. С. 97; Божилов 2017б. С. 19; Ангелов 2019. С. 102–104; Вачкова 2015. С. 289). Эти исследователи подробно комментируют византийские свидетельства о крестном знаке (кресте) у Продолжателя Феофана (*Theoph. Cont.*), Иоанна Скилицы (*Ioan. Scyl.*) и Иоанна Зонары (*Ioan. Zonaras*) и его связь с крещением болгар, за которым, естественно, проглядывает парадигма Константина (Польвянный 2000. С. 119–120). Тот же мотив — о победе над бунтовщиками с помощью крестного знака — присутствует и в одном болгарском тексте из другого жанра, известном под названием «Староболгарский рассказ о крещении». Он возник в эпоху Второго болгарского царства (конец XIII или начало XIV в.) на основе прямых свидетельств ромейских хронистов Симеона Метафраста или Георгия Монаха, а, может быть, и на основе староболгарского перевода Летописи Георгия Монаха (Яцимирский 1903. С. 112; Ангелов 2019. С. 103 сл.).

Среди оружия, с помощью которого Борис-Михаил одолел противников крещения, несомненно, был и меч владетеля. Согласно западным источникам, болгарский князь послал его в Рим в 866 г. в качестве даров для храма Св. Петра (*Monumenta Germaniae historica — Series Scriptores/I*. P. 473–474 (*Annales Bertiniani*, s.a. 866); см. также: Латински извори 1960. С. 288). Иван Божилов, хорошо знакомый с латинской и византийской традициями представлять события болгарского крещения с помощью известных *топосов*, связанных с христианизацией того или иного народа в Средние века («образ Страшного суда», «крестное знамение» или «обретение Честного креста») ¹⁴, не уверен были среди этих даров,

---

¹⁴ См., например, русов при Владимире († 1015): Данилевский 1999. С. 134; Петрухин 2002. С. 87–88, 123; Степанов 2016. С. 112, 121–122.

отправленных папе, крест или меч, которые помогли болгарскому правителю в его борьбе с бунтовщиками (Божилов 2017б С. 35). Если же к этим размышлениям и колебаниям добавить и послания между папой и владельцем Германского королевства Людовиком Немецким (840–876 гг.) (Латински извори 1960. С. 288: *Annales Bertiniani*, s.a. 866), а заодно и свидетельство о том, что Людовик II (король Италии с 843 г. и император с 855 г. и до своей смерти) потребовал от Римского первосвященника принять подаренное Борисом-Михаилом оружие (*Monumenta Germaniae historica — Series Scriptorum*/I. P. 474 (*Annales Bertiniani*, s.a. 866); см. также: Латински извори 1960. С. 288), то не остается никакого сомнения, что здесь скорее идет речь о действительном оружии (где, по всей вероятности, был и меч болгарского князя), чем о некоем кресте, который он носил во время подавления бунта 865/6 г. Все-таки могущественному владельцу, которым, бесспорно, считал себя Людовик II, подобало интересоваться, прежде всего, знаками высшей светской власти у болгар, основным среди которых несомненно являлся меч.

Со своей стороны, П. Ангелов считает более вероятным видеть объяснение о мече, подаренном папе Николаю I в 866 г. специальной болгарской миссией в Риме, сквозь призму хорошо известной всем христианам заповеди «Не убивай». Поскольку Борис-Михаил убил 52 видных боилов вместе с целыми семьями после подавления бунта, он, вероятно, хотел «расстаться с оружием греха и передать его в руки своего духовного судьи в Риме», считает Ангелов (Ангелов 2019. С. 110). Об этой проблеме, представленной схемой «грех — исповедь — покаяние — опрощение», и уловимой в ответах папы Николая I Борису-Михаилу, пишет и И. Божилов (Божилов 2017б. С. 29).

Понятно, что поздние (после второй половины XI–XIII вв.) болгарские авторы апокалиптических сочинений не могли иметь доступ к вышеупомянутым латиноязычным источникам, чтобы напрямую почерпнуть информацию о наказании с мечом и последующей отправке оружия (меча) в Рим князем Борисом-Михаилом. Но похожая история, вновь связанная с мечом и с именем этого владельца, появилась намного позже в болгарских письменных свидетельствах XI–XIII вв., причем именно в таком весьма специфическом жанре как апокрифическая литература и ее особом подразделении, именуемом В. Тыпковой-Заимовой и А. Милтеновой «историко-апокалиптической литературой» (Тыпкова-Заимо-

ва, Милтенова 1996; Търкова-Займова, Милтенова 2011). Остается согласиться, что в этих свидетельствах легенды о мече (Бориса-) Михаила перекликаются с т. наз. фольклорной памятью или же имеют какое-то отношение к мечу св. арх. Михаила. Следует напомнить, что в таком роде текстов князь Борис-Михаил контаминирован как со св. арх. Михаилом и с верховным государем т. наз. степной империи, хаганом/каганом, так и с Михаилом, «последним царем» перед Концом времен (Степанов 2005. С. 182–199; Stepanov 2005. P. 263–279; Stepanov 2008. P. 363–377; Степанов 2016. С. 251–276, с цит. там литературой). Принятие меча из рук ангелов «избранным царем», к тому же в храме Св. Софии в Константинополе, можно увидеть, например, в одном из этих болгарских текстов — «Видение пророка Даниила о последних временах и об Антихристе» (Търкова-Займова, Милтенова 1996. С. 220, 224). В другом похожем, но более раннем тексте — «Сказании о святом пророке Исаяи о будущих годах и о царях, и об Антихристе будущем», датированном второй половиной XI в., когда болгарские земли находились под властью ромеев, можно найти следующий отрывок: «И в те дни Михаил сядет на своего коня и отправится по морю в Рим с одним лишь мечом (*sic*), и скажет римлянам: «Откройте мне врата!». А они скажут ему: «Не отопрем врата, потому что ты — лжец». И взмахнет он мечом (*sic*), но не ударит, а медные врата превратятся в прах. [...] И сядет Михаил на своего коня и отправится оттуда путешествовать по миру, предписывая одним лишь мечом (*sic*) веру и закон в течение одиннадцати лет. И вновь вернется он на свою землю под названием Новый Иерусалим...» (Търкова-Займова, Милтенова 1996. С. 151–152, 156–157; Польшванний 2000. С. 121–122). Звучит действительно весьма приемлемо, что болгарская историческая апокалиптика следовала парадигме св. арх. Михаила, которого часто изображали с мечом, особенно в VIII–IX вв.¹⁵ Таким образом можно объяснить и контаминацию в имени *Михаил* и его различных «ипостасях».

Что же касается архетипа (св. арх. Михаил), логичным будет вспомнить Иисуса Навина, который, находясь вблизи от Иерихона, был удивлен появлением перед ним человека, который представился ему как «вождь воинства Господня», т.е. как св. арх. Михаил. Последний описывается как несущий меч, вынутый из

---

¹⁵ Св. арх. Михаилу посвящена огромная по объему литература. См., например: Peers 2001. P. 157–193; Culto e santuari di San Michele 2007; Габелић 1991; Габелић 2004.

ножен (Ис. Нав. 5: 13–14). Этот эпизод Ветхого завета в Средние века превратился в архетип, в том числе и изобразительный/иконографический. Вот почему недалеко от истины те авторы, которые считают вполне логичным, что произошла контаминация между именем Михаила (князя Бориса-Михаила) и одним из иконографических вариантов изображения св. арх. Михаила — с мечом в руке.

Что же касается использования *топоса* «Солнечный город» в этих же произведениях неофициальной литературы, необходимо задуматься, какова была цель этого: осуществить более специфическое запоминание будущими поколениями важной части деяний болгарского Крестителя, или это всего лишь имитации похожих «общих мест» в апокалиптической литературе Византии. Видно, что действия князя направлены на Рим (ср. роль меча!), или на Иерусалим/Голгофу, а также что он покидает «Солнечный город», чтобы осуществить то, что было предначертано перед Концом времен. Эти важные отправные точки, несомненно, обозначают места сакральной топографии (ср. такие *общие места* как «избранное царство», «избранный народ», «священная столица», «земля Обетованная» и т.д.), но в то же время они связаны и с *топосом* о Спасении людей, и неслучайно неизвестные болгарские монахи-писари с середины XI в. уделили им столько внимания. Так, например, в апокалиптическом тексте под названием «А это толкование Даниилово», можно найти следующий, весьма показательный пассаж: «И [царь] умрет за семь лет и будет лежать до этого [седьмого] года. По Божьему повелению восстанет он из гроба, как будто спал. И превратится он в юношу... которого будут считать мертвым. Более того, он будет править царством в течение 33 лет. Имя ему — Михаил. И восстанет он из Солнечного города (*sic*)... И пришлет Бог ангела, чтобы разбудить его. ... Сядет он на коня своего и отправится в путь с одним лишь мечом (*sic*). И придет в Рим» (Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996. С. 135). Чуть раньше в том же тексте есть пассаж, где опять упоминается царь из Солнечного города, но в данном случае он появится «среди угров», т.е. мадяров/венгров (Там же).

В апокалиптическом цикле текстов со второй половины XI в. содержится еще один текст, в котором вновь можно найти мотив о Солнечном городе — «Видение пророка Даниила о царях, и о последних днях и конце мира». Там царь хоть и не назван по имени, но благодаря своим действиям он вновь связан с Римом, ко-

торый в тексте именуется «Семихолмным» (Там же. С. 128 сл.). А в «Сказание Исаии» из этого же цикла, из Солнечного города выезжает царь по имени Гордие и по прозвищу Чигочин (Там же. С. 150, 155). Его этническое происхождение и принадлежность, однако, не упоминаются.

Василка Тыпкова-Заимова и Анисава Милтенова очевидно интерпретируют «Солнечный город» как *топос*, заимствованный в Болгарии напрямую из разных более старых пророческих текстов («Слово о Сивилле» или Тибуртинская Сивилла). По традиции, они связывают его с ливанским городом Баальбеком, хотя и отмечают мнение некоторых авторов, что для средневековых болгар под этим именем, скорее, скрывался Охрид¹⁶.

Трудно дать точный ответ на вопрос, какой именно город неизвестные болгарские монахи имели в виду, используя термин «Солнечный город» в подобных текстах, но допустимо полагать, что за этим именем скрывается один из реальных столичных центров болгарского царства (Плиска? Преслав? Охрид?) до потерянной после 1018 г. независимости. Мне кажется, что в этой связи стоит задуматься над одним именем, некогда существовавшим в Волжской Болгарии, точнее, на территориях, населенных суварами. В более поздних фольклорных записях их древний город Сувар известен как «Шам Суар», а эпитет здесь обозначает семантическое поле вокруг таких понятий как «величие» и «слава» (Фахрутдинов 1986. С. 96–97). По словам Антона К. Салмина, использование «Шам» является символом красоты и света (Салмин 2019. С. 116). Недавно Живко Войников представил дополнительные сведения из чувашской традиции о местах, именуемых термином «Плиска»¹⁷. Ссылаясь на М. Юхму (Юхма 2002. С. 314–316), он выводит гипотезу, что топоним «Плиска» встречается в области праболгар в Украине около Винницы — поселение Плисков, рядом с городом Книн (Хорватия) — село Pliska (со ссылкой на Б. Катанчича и П. Шкорпила), и, соответственно, поселение Μπλίσκα в континентальной Греции (со ссылкой на

¹⁶ Тыпкова-Заимова, Милтенова 1996. Сн. 28 на с. 132. Об Охриде см.: Стара българска литература 1983. С. 434. Известно, что город Баальбек также носил и греческое имя Хелиополис, что переводится как раз как «Солнечный город»; эта интерпретация также не ускользнула от внимания двух авторов (Тыпкова-Заимова, Милтенова 1996. С. 76, 273 и сн. 19, 356).

¹⁷ Плиска-вар — речная долина по протяжению р. Хырла, Плиска — местность в Северной Чувашии, и Плиска-тюрем — равнинная местность рядом с р. Юнга (Войников 2013. С. 78).

М. Фасмера) (Войников 2013. С. 78). Войников связал эти топонимы с названием столицы дунайских праболгар Плиски (отметив также связь между «Михаилом каганом» и «Солнечным городом», т. е. между князем Борисом-Михаилом и столичным болгарским городом до конца IX века), этимологизируя ее имя с помощью древнего тохарского языка. Таким образом, с его точки зрения, перевод этого имени должен звучать как «солнечная», «светлая», «блестящая»: ср. тох. (А) ‘palsk’, «светлый», «белый», а также тох. (Б) ‘plyskem’, «блестящий» (Там же. С. 78). Поэтому не удивительно, если под названием «Солнечный город» в этих текстах средневековой Болгарии обнаруживаются аллюзии на *Плиску* как на «центр», «столицу», город под покровительством Бога (в языческих верованиях — Неба и Солнца) и т. п., поскольку в нескольких евроазиатских (индоевропейских и индоиранских) традициях солнце напрямую связано с верховной царской властью. Конечно же, эти конвергенции остаются всего лишь одним из предположений о возможных контаминациях в отдаленных от нас столетиях Средневековья, и необходимо подождать, чтобы увидеть, будут ли они приняты или же опровергнуты историографией в будущем.

Роль Болгарской церкви, несомненно, имела первостепенное значение для сохранения конкретного **типа** памяти о правителе Борисе-Михаиле. Это особенно ясно видно во время Второго болгарского царства (1186 — 1396 гг.). Для церковных авторов было каким-то образом очевидно, что Креститель был Первым болгарским царем, и это наглядно представлено в некоторых официальных документах, в изготовлении которых Церковь принимала прямое участие, т. е. в «Синодике» 1211 г. и в Поминаниях. Вот почему очень важно проследить, каково было представление о князе Борисе-Михаиле в этих более поздних официальных болгарских документах, появившихся в XIII–XIV вв. Они также смогут предоставить ответ на вопрос, были ли расхождения в памяти о князе во время Первого болгарского царства и эпохе византийского владычества над болгарами и, соответственно, в годы Второго болгарского царства. Итак, какие из деяний и успехов Крестителя Церковь желала, чтобы остались в памяти после конца XII в., видно из следующих источников официального — государственного или скорее церковного — характера:

а) в одном из самых официальных текстов болгарской верховной власти и церкви начального этапа Второго болгарского цар-

ства, т. наз. Бориловом «Синодик», который является результатом собора против еретиков, созванным царем Борилом (1207–1218 гг.) в феврале 1211 г., начало болгарского царства связано с именем Крестителя Бориса-Михаила (ср. «Первому болгарскому царю, названному в святом крещении Михаил, который привел болгарский род к богоразумию с помощью святого крещения, вечная память»), а не с хорошо известными владельцами языческого периода и, в частности, с Аспарухом (Попруженко 1928. С. 77–91; Божилов, Тотоманова, Билярски 2010. С. 149, 311; Кулхави 2014. С. 320; Божилов 2017б. С. 4–6). Интересно, что здесь князь не только не упомянут как святой, но даже не отмечена его заслуга в сохранении дела свв. Кирилла и Мефодия. Но историографическая модель, которую ввела Болгарская церковь, по словам Ив. Божилова, должна была подчеркнуть только одно: у начала болгарской истории стояло христианство. Этот принцип также будет оформлять и прошлое дунайских болгар. «В начале было Слово», т.е. Христос и Его проповедь; Христос также «Царь царей», а царский титул продукт христианства. Вот почему и Борис-Михаил в качестве вводящего веру Христа в Болгарию мог быть и первым (болгарским) царем, независимо от того, соответствовало ли это реальным фактам или нет (Божилов 2017б. С. 5 сл.). Конечно же, нужно сделать уточнение, что здесь идет речь о модели начальных десятилетий XIII в. Ближе к эпохе царя Иоанна Александра (1341–1371 гг.) ситуация видоизменится в этом аспекте и, к примеру, среди дополнений к Манассиевой летописи, о которой речь пойдет чуть позже, можно увидеть немало сведений о дохристианской истории дунайских болгар, умело вплетенных в «мировую», т.е. римскую историю;

б) в болгарских Поминаниях Второго царства (Боянское, Погановское и Зографское) правителем номер один также является Борис-Михаил, а его предшественниками-язычниками полностью пренебрегли (Иванов 1915. С. 219–229; Дуйчев 1943. С. 198–201, 395–397). Кроме того, там князь снова представлен с титулом «царь» («Бориса царя» или «царя Бориса»), хотя этот титул впервые появился при его сыне Симеоне (893–927 гг.), а был официально признан ромеями при его внуке Петре I (927–969 гг.; † 970) осенью 927 г.;

в) в болгарских дополнениях к Летописи (в рифмах) высокообразованного византийского автора XII в. Константина Манассия; в Болгарии она известна как «Манассиева летопись». Летопись эта

была переведена до 1344/5 г., и переводчик поместил в некоторых местах важные летописные заметки, касающиеся болгарской истории. (См. подробности: Каймакамова 1983. С. 123–178; Каймакамова 1984. С. 119–139; Каймакамова 1990. С. 178–183; Польшиванный 2000. С. 176–177; Божилов 1996. С. 3–12; Божилов 20176 С. 512). Поскольку Летопись следует схеме чередования мировых царств, болгарский автор поместил краткие сведения о прошлом болгар, которые вклиниваются в эту модель и, соответственно, вводят болгар и их царство в мировую историю Спасения. Даже некоторые из терминов нарочно следуют образцу еврейского «избранного народа», например, «от исхода (*sic*) болгар» в годы императора Анастасия (491–518 гг.) до момента составления болгарских дополнений Летописи прошло «870 лет» (Каймакамова 1983. С. 132; Польшиванный 2000. С. 176; Petkov 2008. Р. 452). Это означает, что в данном случае представлено абсолютное начало, когда болгары появились в Юго-Восточной Европе и начали «поэмать Нижнюю землю Охридскую», которая находилась в рамках Римской империи. Второй основной «репер» в этих дополнениях связан с созданием Аспарухом Дунайской Болгарии во время «Константина царя» (Константин IV, 668–685 гг.), когда болгары пересекли Дунай, разбили ромеев и захватили землю, на которой продолжали жить до того момента, т.е. до середины XIV в. А третий, самый важный для нас «репер» связан с крещением: оно осуществилось «при сем Михаиле царе (Михаил III, 842–867 гг.) и при матери его... (Феодоре. — *Примеч. Ц. С.*)»; и «с тех пор донныне лет 511» (Каймакамова 1983. С. 135; Польшиванный 2000. С. 177; Petkov 2008. Р. 453). Странно, что в этой вставке даже не упоминается имя болгарского князя Крестителя, не говоря уже о его успехах в дипломатической сфере! И в этом случае вписывание болгар, очевидно, происходит согласно схеме мировой смене Царств, но в то же время нужно уточнить, что в видениях неизвестного литератора из Тырново самые главные отметки в их истории развиваются на фоне одного из этих Царств — Римского/Ромейского. Такой тип «адаптации» болгарского прошлого к мировой истории Спасения не оставляет возможности обозначения множества деталей из собственного прошлого болгар до правления Иоанна Александра, и по этой причине их деяния, вкл. и деяния Бориса-Михаила, не представлены подобающе подробно.

На фоне этих свидетельств из дворца и из Церкви в Тырново весьма странным выглядит отсутствие каких-либо упоминаний о

дипломатических контактах Бориса-Михаила с папством с 866 г. и вплоть до 882 г. (последовательно с папами Николаем I, Адрианом и Иоанном VIII), а также об официальном пребывании Болгарской церкви под папским управлением между 866 и 870 г.; странно, и что эти переговоры полностью отсутствуют в других официальных документах, например, в переписке болгарского царя Калояна (1197–1207 гг.) с папой Иннокентием III с 1202–1204 гг. (Материалы об этих письмах см.: Латински извори 1965. С. 309–314, 319–320, 334–335; Гюзелев 2009. С. 138–142, 330–331, 335–340, 347–349). Ясно, что в этой длительной переписке, по сути являющейся своего рода предварительными переговорами с целью постижения целей обеих сторон, как папа, так и Калоян избегали вспоминать о дипломатических контактах князя Бориса-Михаила с Римом, поскольку для пап подобное упоминание их провала в общении с болгарским князем в третьей четверти IX в. было бы крайне неприятным (Божилов 2017б. С. 308–310). Благодаря этой гибкости, проявленной обеими сторонами, в конце 1204 г. Болгария получила международное признание, которое так сильно желала после восстания 1185 г., а папство расширило свой диоцез на восток.

В заключение акценты в памяти о князе Борисе-Михаиле, очевидно, зависели от вида источников и их жанровых особенностей, а также от смены культурной модели в Болгарии на протяжении веков после 865 г. Учитывая эти обстоятельства, можно ожидать и различия в текстах «высокой» (и официальной) культуры и т. наз. низовой культуры. По мнению В. Вачковой, в православных официальных описаниях совсем четко прослеживается идея создания для болгарского Крестителя «образа, не только достойного подражания, но и монолитного и непротиворечивого с христианской точки зрения» (Вачкова 2015. С. 289). Последнее утверждение также может разъяснить, почему в созданном впоследствии, и в основном с целью запоминания будущими поколениями, официальном образе Бориса-Михаила, в основе которого была Болгарская церковь, отсутствуют важные детали его политической деятельности, включая его многочисленные успехи и провалы в дипломатической сфере, а взамен придается большое значение его роли христианизации болгар.

ЛИТЕРАТУРА

- Алимов Д. «Переселение» и «крещение»: К проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. №2. 2008. С. 94–116.
- Ангелов П. Българската средновековна дипломация. София, 1988.
- Ангелов П. Слуховете в средновековна България. София, 2019.
- Асман Я. Културната памет / Превод от немски А. Димова. София, 2001.
- Баджаков М. Петър Мутафчиев и геополитическите фактори в българската история // Историкът Петър Мутафчиев като изследовател, гражданин и човек. Сборник с материали от конференция, посветена на 130-годишнината от рождението и 70-годишнината от смъртта на професор Петър Мутафчиев (1883–1943). Б.м., 2016. С. 120–152.
- Бакалов Г. Византийският културен модел в идейно-политическата структура на Първото българско царство // *Бакалов Г. Средновековие и съвременност*. София, 2011. С. 300–314.
- Биялски И. «Сказание на Исая пророка» и формирането на политическата идеология на ранносредновековна България. София, 2011.
- Божилев И. Седем етюда по средновековна история. София, 1995.
- Божилев И. Ватиканският Манасий (Cod. Vat. Slav. 2) // Проблеми на изкуството. 1996. № 2. С. 3–12.
- Божилев И. История на средновековна България. Б.м. Т. 1: Варварска България. 2017. (а).
- Божилев И. История на средновековна България. Б.м. Т. 2: Християнска България. 2017. (б).
- Божилев И., Тотоманова А.-М., Биялски И. Борилов синодик. Издание и превод. София, 2010.
- Вачкова В. Св. Борис-Михаил — «магическият крал» в средновековните извори // *Атанасов Г., Вачкова В., Павлов П. Българска национална история*. В. Търново, 2015. Т. 3: Първо българско царство.
- Войников Ж. Произход и преселения на древните българи (в търсене на нов поглед върху стария въпрос). София, 2013.
- Габелић С. Циклус Арханђела у византијској уметности. Београд, 1991.
- Габелић С. Византијски и поствизантијски циклуси арханђела XI–XVIII век. Преглед споменика. Београд, 2004.
- Георгиева Н. Към въпроса за почитанието на княз Борис I като светец // Кирило-Методиевски студии. Кн. 8. 1991. С. 178–188.
- Гюзелев В. Княз Борис Първи. България през втората половина на IX в. София, 1969.
- Гюзелев В. Кавханите и ичиргубоилите на българското ханство-царство (VII–XI в.). Пловдив, 2007.
- Гюзелев В. Папството и българите през Средновековието (IX–XV в.). Пловдив, 2009.

- Данилевский И.Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей. 1998. М., 1999. С. 134–150.
- Данчева-Василева А. Западноевропейската политика на средновековна България през IX–XI в. // Старини. 1. 1999. С. 69–79.
- Добрев Ив. Кирило-Методиевите ученици през първите години от пристигането им в България (886–893) // Изследвания по кирилометодиевистика. София, 1985. С. 129–160.
- Драгова Н. Фрагменти от старобългарското Житие на свети княз Борис в балкански средновековни творби // Литературознание и фолклористика. В чест на 70-годишнината на акад. П. Динев. София, 1983. С. 93–100.
- Дуйчев Ив. Из старата българска книжнина. София, 1943. Т. 2.
- Дьопман Х.-Д. Значението на България за разделянето на източното и западното християнство. Принос към историята на Фотиевата схизма / Превод от немски Р. П. Чолаков. София, 2018.
- Златарски В. История на българската държава през Средните векове. Трето фототипно издание. София, 2007. Т. 1. Ч. 2.
- Иванов Й. Поменици на български царе и царици // Известия на Историческото дружество. София, 1915. Т. IV. С. 219–229.
- Извори за средновековната история на България (VII–XIV в.) в австрийските ръкописни сборки и архиви. София, 1994. Т. 1 / Съставител В. Гюзелев.
- Каймакамова М. Българската кратка хроника в среднобългарския превод на Манасиевата хроника. 1. Текст, превод, коментар // Годишник на Софийския университет «Климент Охридски» — Исторически факултет. 1983. Т. 76. С. 123–178.
- Каймакамова М. Българската кратка хроника в среднобългарския превод на Манасиевата хроника. 2. Извори. Датиране // Годишник на Софийския университет «Климент Охридски» — Исторически факултет. 1984. Т. 77. С. 119–139.
- Каймакамова М. Културно-просветната дейност на Кирило-Методиевите ученици в България (886 — началото на X век) // Исторически преглед. 1986. № 10. С. 18–23.
- Каймакамова М. Българска средновековна историопис. София, 1990.
- Каймакамова М. Власт и история в средновековна България (VII–XIV век). София, 2011.
- Кодов Хр. Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Българската академия на науките. София, 1969.
- Козелек Р. Пластовете на времето. Изследвания по теория на историята. Превод от немски Хр. Тодоров. София, 2002.
- Коледаров П. Политическа география на средновековната българска държава. Част I (681–1018 г.). София, 1979.
- Кулхави А. Митът за началото в средновековна България: развой и специфики // Трети Международен конгрес по българистика, 23–26 май 2013 г.

- Секция «История и археология», подсекция «Българите през Средновековието» / Съставител Т. Попнеделев. София, 2014. С. 318–324.
- Кулхави А. Прославяни и забравени: историческа памет за българските ханове във Второто българско царство // *Laudator temporis acti. Studia in memoriam Ioannis A. Božilov. Serdicae*, 2018. Vol. 1: Religio, historia / Curavit I. A. Biliarsky. С. 312–318.
- Латински извори за българската история. София, 1960. Т. 2.
- Латински извори за българската история. София, 1965. Т. 3.
- Матанов Х. В търсене на средновековното време. Неравният път на българите (VII–XV в.). София, 2014.
- Милтенова А. Историко-апокалиптичните съчинения като литературен и историографски феномен // ТАНГРА. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 847–868.
- Николов А. Политическа мисъл в ранносредновековна България (средата на IX — края на X век). София, 2006.
- Николова Б. Неравният път на признанието. Каноничното положение на Българската църква през Средновековието. София, 2001.
- Около Райнхарт Козелек: Историческо време и темпоралност / Съставител И. Знеполски. София, 2003.
- Петрухин В. Я. Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2002. С. 60–132.
- Пикио Р. «Православно славянство» и «римско славянство» (литературно-историографски въпроси) // Пикио Р. Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993. С. 35–136. (а).
- Пикио Р. Функцията на библейските тематични ключове в литературния код на православно славянство // Пикио Р. Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993. С. 385–436. (б)
- Польвианный Д. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000.
- Попруженко М. Синодик царя Борила. София, 1928.
- Салмин А. К. Савиры, булгары и тюрко-монголы в истории чувашей. Санкт-Петербург, 2019.
- Стара българска литература. София, 1983. Т. 3: Исторически съчинения / Съст. и ред. Иван Божилов.
- Степанов Цв. Власт и авторитет в ранносредновековна България (VII–ср. IX в.). София, 1999.
- Степанов Цв. България между 822 г. и края на XI в.: «разбуждането» на един традиционен образ // *Mediaevalia Christiana: Власт–Образ–Въображение* / Съставителство и научна редакция Г. Казаков и Цв. Степанов. София, 2005. С. 182–199.
- Степанов Цв. В очакване на Края: европейски измерения, ок. 950 — ок. 1200 г. София, 2016.

- Степанова М. Памяти памяти: Романс. М., 2017.
- Степанова М. В памет на паметта: Романс. Превод от руски. Б. м., 2019.
- Тъпкова-Заимова В., Милтенова, А. Историко-апокалиптичните съчинения във Византия и в средновековна България. София, 1996.
- Фахрутдинов Р.Г. Мелодия камней. Казань, 1986.
- Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2004.
- Христов Я. Култът към Покръстителя в средновековна България през X век. Аспекти на утвърждаването, признанието и съществуването // Исторически преглед. 2008. № 5–6. С. 28–51.
- Христов Я. Владетелски смени сред българи, сърби и хървати през IX век. Сходства и различия // Изследвания в памет на проф. д-р Георги Бакалов (1943–2012). София, 2017. С. 162–182.
- Чешмеджиев Д. Към въпроса за култа на архангел Михаил в средновековна България // Palaeobulgarica. 1996. № 1. С. 52–61.
- Чешмеджиев Д. Към въпроса за култа на княз Борис-Михаил в средновековна България // Исторически преглед. 1999. № 3–4. С. 158–175.
- Чешмеджиев Д. Кирил и Методий в българската историческа памет през Средните векове. София, 2001.
- Шиваров Н. (*протопрезвитер*). Есхатологични представи в старобългарски писмени творения в края на първото хилядолетие. Характеристика и задачи в изследванията // Средновековна християнска Европа: Изток и Запад / Съст. и редакция В. Гюзелев и А. Милтенова. София, 2002. С. 291–304.
- Шиваров Н. (*протопрезвитер*). За някои пророчески и апокалиптически есхатологични влияния в старобългарската литература // Сборник в чест на проф. д.ф.н. Георги Данчев по случай 70-годишнината му. Международна научна конференция, Велико Търново, 13–14 декември 2002 г. В. Търново, 2004. С. 564–576.
- Шиваров Н. (*протопрезвитер*). Есхатологични акутни виждания и активности на Запад и на Балканите през XI–XII в. // Годишник на Софийския университет — Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». Т. 98 [17]. София, 2013. С. 121–136.
- Юхма М. Топонимът Плиска в българо-чувашкия фолклор // Златна България. Варна, 2002.
- Яцимирский А.И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе // ИОРЯС Т. VII. 1903. Кн. 1. С. 95–136.
- Annales Bertiniani // Monumenta Germaniae historica — Series Scriptores, I / Ed. G. Pertz. Hannoverae, 1826.
- Annales Fuldenses // Monumenta Germaniae historica — Series Scriptores, I / Ed. G. Pertz, Hannoverae, 1826.
- Biliarsky Iv. The Tale of the Prophet Isaiah. The Destiny and Meanings of an Apocryphal Text. Leiden; Boston, 2013.
- Budak N. Croats between Franks and Byzantium // Hortus Artium Medievalium 3. 1997. P. 15–22.

- Constantine Porphyrogenitus*. DAI / Eds. Gy. Moravcsik and R.J.H. Jenkins. Dumbarton Oaks Texts, Washington, D.C., 1962.
- Constantine Porphyrogenitus. DAI // Гръцки извори за българската история. София, 1964. Т. 5.
- Culto e santuari di San Michele nell' Europa medievale/Culte et sanctuaries de saint Michel dans l'Europe médiévale / A cura di P. Bouet, G. Otranto, A. Vauchez. Bari, 2007.
- Dujcev I.* I Responsa di papa Nicolo I ai Bulgari neoconvertiti // *Aevum*. Vol. 47. 1968. №. 5–6. P. 403–428.
- Einhardus *Annales* // Латински извори за българската история. София, 1960. Т. 2.
- Halbwachs M.* La mémoire collective. P., 1950.
- Imperial Spheres and the Adriatic: Byzantium, the Carolingians and the Treaty of Aachen (812). / Eds. M. Ančić, J. Shepard, and T. Vedriš. L.; N.Y., 2018.
- Kultur als Lebenswelt und Monument / Hrsg. A. Assmann, D. Harth. Frankfurt, 1991.
- Liber pontificalis. Historia de vitis Romanorum Pontificum. P., 1886. Т. I / Ed. L. Duchesne.
- Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora. Paris, 1984–1992. Vol. I–III.
- Mnemosyne / Hrsg. A. Assmann, D. Harth. Frankfurt, 1991.
- Moravcsik G.* Die Namenliste der bulgarischen Gesandten am Konzil vom Jahre 869/870 // Известия на Историческото дружество. XIII. София, 1933. P. 8–23.
- Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500–1453. L., 1971.
- Peers G.* Subtle Bodies: Representing Angels in Byzantium. Berkeley; Los Angeles; L., 2001.
- Petkov K.* The Voices of Medieval Bulgaria, Seventh–Fifteenth Century. The Records of a Bygone Culture. Leiden; Boston, 2008.
- Pohl W.* Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr. München, 1988.
- Pohl W.* Non-Roman Empire in Central Europe: the Avars // *Regna and Gentes* / Eds. Goetz H.-W., Jarnut J., Pohl W. Leiden; Boston, 2003. P. 571–596.
- Responsa Nicolai I. Papae ad consulta Bulgarorum // *Petkov K.* The Voices of Medieval Bulgaria, Seventh–Fifteenth Century. The Records of a Bygone Culture. Leiden; Boston, 2008.
- Simeonova L.* Diplomacy of the Letter and the Cross: Photios, Bulgaria, and the Papacy, 860s–880s. Amsterdam, 1998.
- Sophoulis P.* Byzantium and Bulgaria, 775–831. Leiden; Boston, 2012.
- Stepanov Ts.* From 'Steppe' to Christian Empire, and Back: Bulgaria between 800 and 1100 // *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans* / Ed. F. Curta (with the assistance of Roman K. Kovalev). Leiden; Boston, 2008. P. 363–377.

- Stepanov Ts.* The Bulgar Title ΚΑΝΑΣΥΒΙΓΓΙ: Reconstructing the Notions of Divine Kingship in Bulgaria, AD 822–836 // *Early Medieval Europe*. 2001. X. №. 1. P. 1–19.
- Stepanov Ts.* Ruler, Doctrines, and Title Practices in Eastern Europe, 6th–9th Centuries // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 14. Wiesbaden, 2005. P. 263–279.
- Stepanov Ts.* The History and Culture of Bulgaria in the 7th–12th Centuries: Between Two Easts and Two Wests // *Media Aetas — Historia Viva/Średniowiecze — Historia Żywa*. VI Kongres mediewistów polskich 2018. Wrocław, 20–22 września 2018 r. Abstrakty. Wrocław, 2018. P. 146–147.
- Swoboda W.* L'origine de l'organisation ecclésiastique en Bulgarie et ses rapports avec le patriarcat constantinopolitain (870–919) // *Byzantinobulgarica*. II. Sofia, 1966. Vol. II. P. 67–81.
- Szádeczky-Kardoss S.* The Avars // *The Cambridge History of Early Inner Asia* / Ed. D. Sinor. Cambridge; N.Y., 1990. P. 206–228.
- Tăpkova-Zaimova V., Miltenova A.* Historical and Apocalyptic Literature in Byzantium and Medieval Bulgaria. Sofia, 2011.
- The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars and Cumans* / Ed. F. Curta (with the assistance of R. Kovalev). Leiden; Boston, 2008.
- Tirr D.* The Attitude of the West towards the Avars // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 28. 1976. P. 111–121.
- Vita Hludovici imperatoris* // Латински извори за българската история. София, 1960. Т. 2.
- Ziemann D.* Vom Wandervolk zur Großmacht. Die Entstehung Bulgariens im frühen Mittelalter (7–9. Jh.). Köln; Weimar; Vienna, 2007.

Tsvetelin Stepanov

THE TIMES OF ST. TSAR BORIS MICHAEL THE BAPTIZER (852–889; † 907): BETWEEN THE REAL HISTORICAL 'FACTS' OF THE NINTH CENTURY AND THE FACTS OF SELECTIVE MEMORY

One of the important problems of contemporary historiography is whether history (the historical past and historical time) or the memory is more valuable to study. Extreme oppositions, however, are hardly necessary and therefore, according to the author of the present text, there should be no opposing or prioritizing the one or the other. Instead, a clear distinction of the two is needed and, accordingly, a strict conceptualization of theses/hypotheses and especially methodologies. Undoubtedly, the above concepts also incorporate various ideological 'uses', especially well visible in situations of long historical periods containing breaks, oblivion of facts, and even real hiatuses in what is remembered in one way or another by later generations. As regards the European Middle Ages, one should not overlook the special role of the Church in 'composing', in

a precise manner, past events that should be preserved and passed on to coming generations (Bulgarian ones, in this case). The article does not deal — yet again, and in an extensive manner — with the diplomatic successes and failures during the reign of the Bulgarian *archon* (and subsequently *prince/knyaz*) Boris-Michael the Baptizer (852–889; † 2.05.907), but rather, how they are remembered or omitted (involuntarily or on purpose?) by later generations of writers in medieval Bulgaria.

The latter clearly selected real historical facts from the second half of the 9th century that were directly connected to the activities of Boris-Michael, in order to create an acceptable image of this Bulgarian ruler — mostly in accordance with the requirements of the Church, as well as the idea of Salvation and the Bulgarian tsardom's role in it at the End of time. Thus, the purpose of this article is not so much to review the diplomatic aspects of the actions of this Bulgarian ruler and to give a detailed description of the geopolitical realities in Europe of that time in their role of a backdrop for their development, but, rather, to connect the latter to a specific aspect — that of the selective use of *memory*. *Memory* reworks the past in a specific way (with varying purposes and for various ideological motives), thus giving special meaning to some of the former facts, while distorting others and sometimes deliberately pushing them to the background or even completely 'forgetting' them. Such a perspective would show us at least two things: firstly, what the 'official' (or 'state') *memory* had preserved from the diplomatic successes of this Bulgarian prince and, secondly, what the 'lower' (unofficial) *memory* chose to preserve. The things stressed in the memory of Prince Boris-Michael were obviously dependent on the type of literary sources and their genre characteristics, as well as on the change of the cultural model in Bulgaria in the centuries following AD 865. In view of this finding, we can also expect to see differences in the texts stemming from the 'high' (and official) culture and those belonging to the so-called lower culture, especially in historical apocalypticism from the second half of the 11th — 13th centuries (as a special 'sub-genre' of the apocryphal literature in Bulgaria). It is apparent that in the Eastern Orthodox official descriptions, there emerged, and, according to V. Vachkova quite visibly at that, the idea to give the Bulgarian Baptizer "an image that is not only worthy of imitation, but also monolithic and non-contradictory from a Christian point of view". The latter statement also clarifies why the official image of Prince Boris-Michael created during the Second Bulgarian Tsardom (1186–1396) by the Bulgarian Church specifically for the purpose to be remembered by coming generations, lacks important details of his political activities, including his many successes (as well as failures) in the diplomatic field. Instead, special importance is given mainly to his role in paving the way for the Bulgarians into the Christian faith and hence — for the salvation of their souls.

Keywords: medieval Bulgaria, Knyaz Boris-Michael of Bulgaria (852–889; † 907), memory, history.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-186-214